

ГЛАВА 1. ТРУДНОСТИ ВЗРОСЛЕНИЯ

Пролог

Перерождение — штука настырная. Оно как коварный искуситель: чем меньше ты этого хочешь, тем активнее оно лезет в твою жизнь. Хочешь ты того или нет, приходится принимать новые правила игры. Хьюберт и сам не знал, почему это случилось именно с ним — логических объяснений не существовало. Просто в один прекрасный день он открыл глаза и осознал: он здесь, в новом мире, причём в теле младенца.

Окончательное осознание пришло уже в больнице, когда боевая мамаша с яростным криком вытолкнула его на свет.

В тот момент он был слишком потрясён самим фактом рождения, чтобы обращать внимание на обстановку. Когда же первый шок прошёл, Хьюберт обнаружил, что попал в мир, где все говорят на иностранном языке.

Будучи добропорядочным парнем из Поднебесной, он никак не мог взять в толк, как его занесло за границу. К счастью, годы изучения английского не прошли даром: кое-что он понимал, хотя быстрая речь поначалу превращалась в неразборчивый шум.

Единственное, что он уяснил сразу: теперь он сын в семействе Лоуренсов, и зовут его Хьюберт. Хотя старшая сестра предпочитала короткое «Хью».

Кое-как дотянув до шести лет, он узнал, что живёт в Лас-Вегасе. В прошлой жизни он слышал, что это лучшее место для любителей ночных развлечений.

Но стоило взглянуть на свои короткие ручонки и пухлые ножки, как весь энтузиазм улетучивался. Какая, к чёрту, ночная жизнь? Провал!

Ему даже телевизор не разрешали смотреть после восьми вечера. В такой жизни вообще нет радостей.

Единственным плюсом в их доме было обилие книг. Вот только в качестве литературы для общего развития ему подсовывали не сказки братьев Гримм, а пухлый том «Истории технологий». О каком весёлом детстве тут может идти речь? Кто вообще даёт такие книги трёхлетнему карапузу?

Но книги — это ещё полбеды. Хуже всего было то, что к своим шести годам Хью стал на редкость ловким и прытким, и вовсе не по своей воле. Быть сыном двух профессоров археологии — задача не из лёгких.

В каком ещё доме коридоры под завязку напичканы ловушками и механизмами?

Конечно, они не были смертельными, но получать по затылку всё равно больно. Кто тренирует детей такими методами? Стоило Хьюберту об этом вспомнить, как в душе поднималась волна праведного гнева. Неужели так трудно позволить ребёнку быть обычным нормальным ребёнком?

***

В одном из фешенебельных районов Лас-Вегаса, в уютном доме, жила образцовая семья из четырёх человек: папа, мама и двое детей.

— Хью, пора обедать! Живее иди сюда! — крикнула Вия из гостиной.

Она звала Хьюберта, который с предельным сосредоточением пялился в телевизор. У парня не было особых хобби, кроме одного — он обожал смотреть новости.

Ещё бы не обожать, ведь это единственный способ добывать информацию о внешнем мире. Найдётся ли в этом городе школьник несчастнее него?

— Иду, сестра! — отозвался Хьюберт.

Он прекрасно знал: на зов старшей сестры нужно отвечать немедленно, иначе последствия будут печальными. Выключив телевизор, он мимоходом поинтересовался:

— А что у нас сегодня?

Впрочем, он тут же пожалел об этом вопросе. Раз сестра зовёт его к столу, значит... сегодня готовила мама. А единственное блюдо, которое маме удавалось... Ну, скажем так...

— Фирменные сэндвичи, — объявила Вия, заметив, как вытянулось лицо брата. В её голосе звучало нескрываемое ехидство.

— Опять... опять сэндвичи... — Хьюберт едва не разрыдался.

Против сэндвичей как таковых он ничего не имел, но есть их на протяжении пяти лет — это выше человеческих сил.

Как истинный гурман из прошлой жизни, он мужественно терпел восемь месяцев грудного молока, затем целый год поглощал некую субстанцию, напоминавшую рвотные массы, и вот, наконец, дорвался до нормальной еды. И что же? Его дорогая матушка, полновластная хозяйка кухни, умела готовить только одно — сэндвичи!

«Папа, вот скажи мне, как ты умудрился выбрать себе такую жену?»

Конечно, задать этот вопрос вслух у него не хватило бы духу. В иерархии семьи Лоуренс Хьюберт занимал самое незавидное положение. На вершине пищевой цепочки стояла мама — она же «Вдовствующая императрица». Следом шла сестра — «Королева», без вариантов. Замыкал тройку лидеров отец. А сам Хьюберт был просто мелкой сошкой в самом низу.

Любая его попытка высказать своё мнение заканчивалась одинаково: голоса тех, у кого нет гражданских прав, не учитываются.

К слову, властный характер его сестры был прямым следствием воспитания их непутёвых родителей. Хью слышал, что Вию удочерили, когда она была совсем крохой (это было очевидно хотя бы по цвету кожи). Родители таскали её за собой по всему миру, переезжая с одних раскопок на другие, и, когда они наконец вернулись в Штаты, девочка едва привыкла к мирной жизни.

Только вдумайтесь: «едва привыкла к мирной жизни». Можно лишь гадать, через что пришлось пройти грудному ребёнку в компании этих сумасбродных археологов.

Отец Хьюберта был типичным американским красавцем: золотистые волосы, изумрудные глаза, рост под метр восемьдесят два. С интеллектом у него тоже всё было в порядке — как никак, профессор археологии. Мама же была настоящей восточной красавицей из Поднебесной: чёрные как смоль волосы и глаза, рост сто семьдесят три сантиметра. Среди соотечественниц она смотрелась бы настоящей великаншей. Как домохозяйка она не стоила и ломаного гроша, зато в деле была невероятно крута. Она училась на том же факультете, что и отец, и тоже стала профессором. Идеальная пара, что и говорить.

Изначально они не планировали заводить своих детей, поэтому удочерили дочь погибшего коллеги — ту самую Вию, афро-американскую метиску. Хью видел фотографии её родной матери — настоящая красавица, и как только она умудрилась связаться с парнем, которого в темноте и не разглядишь?

Это не было злой иронией, просто то фото было сделано ночью, и всё, что на нём можно было разобрать — это ослепительно белые зубы.

«Ну кто надевает чёрное в такую темень? Обнять и плакать».

В общем, когда мамина коллега скончалась, а отец ребёнка испарился, они просто забрали девочку себе, решив, что так даже проще — не нужно возиться с родами.

Они жили припеваючи в своём маленьком кругу, пока судьба — эта капризная девчонка — не подкинула им сюрприз. Спустя восемнадцать лет брака мама забеременела. Им пришлось свернуть свою кочевую жизнь и вернуться в Америку, чтобы, так сказать, «довести пирожок до готовности».

Так они оказались в Лас-Вегасе — городе, где когда-то поженились. Возвращаться в родовые гнёзда не было смысла, родственников у них почти не осталось. Отец устроился профессором на исторический факультет Университета Лас-Вегаса — история и археология всегда были его сильной стороной.

Мама же сосредоточилась на «выпечке пирожка». У иностранцев нет понятия «послеродового покоя», так что уже через несколько дней после родов она стала ассистенткой отца. Работа непыльная, платят хорошо, да и за ребёнком приглядывать можно... Хотя по факту воспитанием Хьюберта занималась Вия.

Строго говоря, Хьюберта вырастила сестра. И хотя внутри него жила взрослая душа, которая в особом уходе не нуждалась, кто-то же должен был разводить молочную смесь.

Четырнадцатилетней девчонке пришлось несладко.

Но в целом они были гармоничной и счастливой семьёй. Всем на радость.

— Мам, Хью так обрадовался твоим сэндвичам, что аж дар речи потерял, — ехидно усмехнулась Вия, обращаясь к матери на кухне.

— Ох, солнышко, я знала, что ты любишь мамочку! Иди сюда, дай расцелую! — Лина, сняв фартук, вышла из кухни и тут же сцапала Хьюберта, собираясь заключить его в «объятия любви».

— Мам, мне уже не три года, — с максимально серьёзным видом ответил Хьюберт.

Увы, он оставался шестилетним карапузом, и пухлые щёчки в сочетании с суровой миной вызывали лишь приступ смеха. Эффект получился прямо противоположным.

— Да-да, конечно, ты у нас уже совсем взрослый, целых шесть лет, — Лина изо всех сил сдерживала хохот. Она потрепала сына за щёку, думая о том, какая же у него нежная кожа.

— Он разозлился. Его зелёные глаза, похожие на два чистейших изумруда, сердито округлились, но угрозы в этом не было никакой.

— Дорогая, сможешь мне вынести тарелки? — Лина, боясь задеть чувства сына, поспешила сменить тему.

— Конечно, мам, — Вия, вдоволь насладившись зрелищем, принялась накрывать на стол. Помогать там было особо не в чем — просто расставить тарелки с сэндвичами. Отец обедал в университете, так что сегодня их было только трое.

В их доме не было правила «когда я ем, я глух и нем». Когда родители пропадали на раскопках, им порой приходилось перекусывать на бегу, так что о строгом этикете давно забыли.

— Вия, как твоя новая работа? — Лина, жуя сэндвич, не забывала интересоваться делами дочери.

— Всё в порядке, испытательный срок пройден, — ответила Вия. Она была удивительным ребёнком: пока росла, успевала и учиться, и за братом приглядывать. Теперь, окончив магистратуру, она сама нашла работу, избавив родителей от лишних хлопот. Просто идеальная дочь.

— Вот и славно, я так тобой горжусь, — Лина тут же выдала порцию одобрения.

— Мам, выкладывай, что тебе нужно? — Вия даже бровью не повела. Она прекрасно знала: когда мама начинает рассыпаться в комплиментах, за этим обязательно что-то стоит.

— Э-э... ну... Знаешь, дорогая, иногда полезно быть чуть менее проницательной, — Лина заметно смутилась, когда её раскусили.

Хьюберт мысленно прокомментировал: «Мам, неужели тебе правда стало неловко? Это же просто чудо какое-то!»

— С такой мамой, как ты, расслабляться опасно, — парировала Вия. Мать была асом в археологии, но как родитель...

— Ладно, признаюсь. Мы с твоим отцом собираемся в Египет, — Лина подняла руки, сдаваясь. Иметь такую умную дочь — это одновременно и счастье, и проклятие.

— Надолго? — Вия мельком взглянула на Хьюберта, а затем медленно задала вопрос. Конечно, она беспокоилась вовсе не о брате.

— Наверное... может быть... на год, — неуверенно пробормотала Лина, всеми силами стараясь не смотреть дочери в глаза.

— Понимаю... Вы с папой и так долго терпели, — Вия не видела в этом ничего предосудительного. До рождения брата она сама постоянно моталась с ними по миру, видела столько гробниц, что и не сосчитать, и даже кости мертвецов были для неё привычными игрушками.

— Да мы не так уж и страдали, — скромно начала Лина, но, поймав взгляд старшей дочери, тут же выпалила: — Ладно, ладно! Я просто схожу с ума от желания выбраться на волю!

Её авторитет как матери таял на глазах — Вия выглядела куда внушительнее.

Для человека, привыкшего к вольной жизни на раскопках, восемь лет оседлости были настоящим испытанием. Теперь, когда дочь выросла, а сын перестал нуждаться в подгузниках и смесях, жажда приключений вспыхнула с новой силой.

Хьюберт молча жевал свой сэндвич. «Мам, даже не пытайся тягаться с сестрой. Тебе и за сто лет её не переспорить — хотя бы из-за разницы в харизме».

— Не волнуйся, я поддержу любое ваше решение, — Вия тоже с ностальгией вспоминала былые времена, но сейчас у неё были другие цели, и археология в них не входила. — Совсем как тогда, когда мы носились по миру все вместе.

— Получается, я целый год не увижу папу и маму? — Хьюберт радостно посмотрел на них. «Наконец-то! Целый год без этих кошмарных сэндвичей!»

— Да, мой милый, — Лина с извиняющимся видом посмотрела на сына. Она и понятия не имела о его тайном восторге, решив, что Хьюберт расстроен предстоящей разлукой.

— Мамочка, я буду очень скучать, — Хьюберт изо всех сил старался сдержать ликование. Он говорил медленно и печально, понимая, что, если его раскусят, взбучки не миновать.

— Я тоже, радость моя! Как бы я хотела взять тебя с собой... — Лина, растроганная «печалью» сына, сгребла его в охапку. Хьюберт оказался прижат к её пышному бюсту и едва не задохнулся.

«Мам, ну почему у тебя, азиатки, такие выдающиеся формы?! Это же просто антинаучно!»

— Мама, Хью уже ходит в школу, — Вия тут же вылила на неё ушат холодной воды. Она не хотела, чтобы брат пропускал занятия, да и вообще не считала, что археологические экспедиции пойдут ему на пользу.

— Знаю я, знаю... — Лина неохотно выпустила сына. Несчастный Хьюберт едва не погиб от асфиксии. «Опасные формы — это страшное оружие!»

<http://bllate.org/book/17399/1648540>